



*Ежегодно Совет по национальным литературам Союза писателей России проводит конкурс художественного перевода с целью выявления талантливых переводчиков с языков народов России и популяризации произведений авторов, пишущих на этих языках.*

*В прошлом году участники конкурса «Услышь, Россия, наши голоса» познакомили профессиональное жюри со своими переводами поэтических и прозаических произведений, а также стихотворений, адресованных детям.*

*На страницах журнала «Север» представляем читателям два перевода рассказов, которые вошли в число победителей.*

**Василий  
ВАСИЛЬЕВ  
(ХАРЫСХАЛА)**



## Четыре угла любви

*рассказ*

*Перевод с якутского  
Альбины Борисовой (Слепцовой)*

*Посвящаю светлой памяти  
дорогих мне дедушки Петра Никитина,  
Анны и Петра Ксенофонтовых,  
Матрены Захаровой*

**М**ой младший братишка Кутууня – светловолосый, всегда улыбчивый, веселый малыш-крепыш, которого просто невозможно не любить. У меня, как у старшего брата, родившегося на целых четыре года раньше, почетная миссия приглядывать за ним, заботиться. С наступлением летней поры детвору со двора не загнать в дом. Улица на то и улица, многое здесь подстерегает, например, соседская кусачая собака Чуорка, а в ста шагах от двора влечет своими прозрачными игривыми, но очень опасными для малышей водами наша красавица Амга; ну а за хотоном-хлевом притаилось засохшее дерево с торчащими черными ветками, на которые с громким карканьем слетаются чёрные-пречёрные вороны! «Не выпускай руку брата! Не то вороны его унесут!» – слышу голос мамы, которая вру-

чаю мне только начавшего ходить братика Кутууню.

А ему, еще совсем маленькому человечку, впервые оставляющему свои следы на земле, знакомство с большим миром, конечно же, необычайно интересно и захватывающе!

— А-а-а!.. У-у-у!.. — увидев беспрестанно снующих по своим делам муравьев-трудяг, красных и черных жучков, разноцветных нарядных бабочек, гукает Кутууня, по-детски выражая неподдельное изумление.

Вдруг он хватает одну из мохнатых гусениц и подносит ко рту, чем сильно пугает меня.

Немного подросший и уже научившийся лопотать на своем, как-то раз из озорства он спрятался от меня в высокой траве. Я очень испугался. Подумав, что его унесли вороны, с громким ревом бросился на поиски, чем сильно развеселил брата. Только после того как я совсем расстроился, из-за цветов появилась голова со взъерошенными дымчатыми волосами:

— А боть и я-а-а!..

Так под моим неусыпным приглядом мой братик рос два года. В ста шагах от нашего дома стоял очень аккуратный белый домик-балаган с крашеными окнами. Там жили старики Силиппены.

Как-то раз, выполняя поручение матери, мы что-то им отнесли. Полы у них оказались крашеные, нары все застелены красиво сплетенными из камыша подстилками и сшитыми из темных и светлых меховых квадратиков ковриками. Хозяйка необычайно опрятного дома и братику, и мне вручила по конфете.

Однажды, потеряв из виду брата, я обегал всю округу. Уже отчаявшись найти, решил заглянуть к Силиппенам. Гляжу, а он там, весь сияя от радости и важности момента, пьет со стариками и хозяйкой чай! Подражая им, в одной руке он держал блюдце с чаем, в другой руке зажал довольно-таки увесистый кусковой сахар. При этом с самым серьезным видом о чем-то рассуждал...

С тех пор так и повелось — он то и дело стал ходить в гости к Силиппенам. А они, в свою очередь, чтобы завлечь Кутууню к себе, ставили на окно на видное место блюдце с конфета-

ми и печеньем. На этот зазывный знак и шел мой брат. От тех сладостей и мне перепадало.

Как-то раз мой взгляд остановился на фотографиях, висевших на стене за стеклом в рамках. На одной из них увидел совсем еще молодых Аныску и Силиппена. На другой фотографии был запечатлен маленький мальчик в матроске, потом я увидел портрет, где он уже совсем взрослый, в костюме и галстук, снялся с такими же видными молодыми людьми. Он же был еще на одном фото в военной форме. К своему удивлению, я обнаружил, что мальчик в матроске был вылитый мой младший брат! Вот почему, оказывается, старики так привечали, баловали Кутууню.

Мы жили в маленьком участке Хайаргас, поэтому со временем переехали в деревню Арыылах, где была школа. Братишка Кутууня непременно увязывался за отцом, когда тот собирался ехать в Хайаргас. Там он обязательно оставался ночевать у стариков Силиппенов, которые всегда ждали его.

По приезде домой все разговоры Кутууни были о них, о стариках, беспрерывно звучало «бабушка Ана, дедушка Силиппен, дедушка Бетукке». Когда чуть подрос, Кутууня уже сам каждую субботу шел пешком в Хайаргас.

К окончанию третьего класса «дедушки» подарили ему двадцативосьмикалнбровое ружье. Так что однажды, посидев в скрадке с дедом Силиппеном, Кутууня приехал домой и с восторгом сообщил, что добыл утку. После окончания четвертого класса старики подарили ему велосипед. У меня к тому времени не было ни ружья, ни велосипеда, оставалось только по-хорошему завидовать.

...После восьмого класса я продолжил учебу в районном центре. В выходные чаще всего пешком спешил к своим. Дорога пролегла через Хайаргас, и я обязательно заходил к Силиппенам, где радушные хозяева всегда угощали меня чаем.

До чего ж вкусны были пироги и сладок чай бабушки Аны! Даже простая якутская лепешка просто таяла во рту. Если я заставал дома хозяйина Силиппена, слывшего знатным следопытом, отличным охотником, он свежеввал, раздeldывал свою добычу. Второй старик Бетукке,

хоть и имел свой дом, большей частью находился у Силиппенов, где у него был даже свой угол, спальное место. Бетукке тоже был чем-то занят: строгал, точил, колол, стучал молотком.

Однажды мне пришлось добираться затемно, и по пути я остался у Силиппенов ночевать. В ту ночь я впервые в своей жизни услышал олонхо-сказание. На вид необщительный, немногословный старик Бетукке оказался искуснейшим мастером слова, которое из него лилось как из рога изобилия, а хрипловатый, но удивительно проникновенный голос необычайно выразительно передавал малейшие особенности речи, характеры персонажей, описание местностей, событий, происходящих в эпосе. Голос его то звенел металлом, то растекался сладкой приторностью, то грозно рокотал, то тихо услаждал слух. Казалось, огромные деревья, растения нависали надо мной, невиданные животные надвигались на меня наяву!

— Из глубин омута озерного, где водятся лягушки с корову нетельную, а улитки с быка-пороза, появился дьявол Айатыр Арсан, у которого глазищи с чардат-надмогильник, ртище в шесть сажений, а сам он с огромную гору-холм!..

Старушка Аныска необычайно нежным голосом пела о том, как дочь Айынгат Хаана, дева с неземным белым ликом Нюргуна, зывала — просила о помощи. А старик Силиппен, хоть раз сто слышал это олонхо, внимал с неподдельным интересом и в самые напряженные моменты громко и с чувством восклицал: «Ноо!»

...Когда мой брат Кутууня попал в аварию и погиб, казалось, что больше всех горевали старики Силиппены. Они как-то враз постарели, сторбились совсем. По старику Бетукке эта весть ударила сильнее всех, он даже слег с горя и больше не встал.

...После школы у меня были армия, учеба, распределение на север. И вот после десяти лет привелось поехать в родные края, захотелось повидаться с родителями. Так получилось, что машина забуксовала как раз возле Хайаргаса, и я пошел туда пешком.

Ноги сами привели к дому Силиппенов.

Прежде светившийся белой известкой дом местами облупился, крашенные когда-то окна наглухо были забиты досками.

Безлюдный двор опустел, весь зарос бурьяном! Сердце больно сжалось от печального зрелища, от вида заброшенного, отжившего свое жилища, где когда-то привечали меня радушные, полные жизни хозяева.

Я рассказал родителям об этом. Отец, огорченный услышанным, опустил голову, молча посидел какое-то время, потом поведал мне о стариках Силиппенах вот что.

\* \* \*

Семнадцатилетнюю Аныску, любимую среднюю дочку Лукина, жителя местечка Куоллара Чаранг, слывущего довольно богатым, сосватали замуж за Силиппена, сына зажиточных Иляховых из Хайаргаса Амги.

Девушка попыталась признаться родителям, что любит другого. Но ее и слушать не стали:

— Предки Кириковых одни олонхосуты-сказители да мастера-ремесленники, люди никогда не разбогатевшие. А вот станешь невесткой у зажиточных Иляховых, станешь богатой госпожой, сама себе хозяйкой, и жизнь тебе будет только в радость!..

Случилось так, что Силиппен, за которого сосватали Аныску, был влюблен в дочку Захаровых Мотурону, жительницу Ала Бие. Но родители, сославшись на то, что его избранница — дочка бедняков, не хотели даже слушать его.

Влюбленный в Аныску Бетукке Кириков не смог смириться с происшедшим и приехал вслед за своей любимой из Сатагая в Амгу. Будучи тимир уус-кузнецом, изготавливающим иголки, разную утварь, украшения, он ходил по дворам, куда звали, — тем и зарабатывал. Как повелось исстари — мастер-уус и сказитель-олонхосут никогда не становились богачами. Так и Бетукке не разбогател, но зато имел возможность хоть издали видеть свою возлюбленную. Трижды Бетукке был женат, да неудачно.

А тем временем все думы и желания Силиппена были о Мотуроне... Ее выдали замуж за бойкого, везде успевшего побывать — и на се-

вере, и на юге, добравшегося даже до самого Охотска-Лаамы — вдовца Трофима Тихонова.

Тут началась смена власти, вся жизнь пошла наперекосяк. Знающего грамоту Силиппена взяли в штаб белых писарем. Бетукке старался не пристать ни к белым, ни к красным. Тем не менее его схватили как нарочного отряда красных. Воспользовавшись тем, что стороживший амбар с арестованными уснул, кому-то из тех, кого наутро должны были расстрелять, удалось открыть дверь и сбежать. Ждавшие в амбаре своей участи люди под покровом темноты тоже смогли разбежаться. Бетукке только догадывался, что их спас Силиппен.

После того как белые потерпели поражение, Бетукке рассказал об этом случае на суде и, в свою очередь, спас тем самым от смерти Силиппена. Но все же Силиппена раскулачили, лишили всяких прав и отправили в ссылку.

Муж Мотуроны Трофим Тихонов, будучи с белыми, погиб в одном из сражений. От него у Мотуроны остался сын. Аныска была объявлена «женой кулака, бандита». У нее отобрали всю живность, дом, имущество. Оставшись даже без угла, она жила где придется. Тут и построил для нее Бетукке домик-балаган в Хайаргасе, в котором мы любили гостить.

Когда Силиппен вернулся через три года из ссылки, Аныска встретила его с малышом — тот уже сам сидел. Силиппен ничего не сказал на это, только резко сменил свое отношение к Бетукке. А малыша полюбил так, что не позволял, как говорится, ни птице над ним пролететь, ни зверушке мимо пробежать. Воистину, пылинки с него сдувал. Записанного на мать мальчика переписал на себя, дал имя отца, и стал он Семеном Ксенофоновичем Иляховым. Пораженного в правах Силиппена в колхоз не взяли, даже в писари не допустили. Стал он ходить в тайгу, промышлял охотой. Поскольку был с бандитами, ружье ему не полагалось, поэтому он ставил сохсо-ловушки, силки и петли, айа-самострелы, чарканы-капканы на крупного и всякого другого зверя. Так Силиппен стал добывать не меньше охотников с ружьями. А в его вершах и сетях было довольно рыбы. Делился своей добычей и с овдовевшей Мотуроной. И не только с ней! Пос-

ле удачной охоты, рыбалки обходил дворы всех немощных, сирых и оставлял у них то целую ногу крупного зверя, то мешок рыбы.

О сыне своем Семенчике Аныска заботилась от всего материнского сердца, но не потакала ему, как Силиппен, а учила отличать хорошее от плохого, быть порядочным человеком. Мальчик подрос, учился в Абагинской школе, затем продолжил учебу в городе, а потом и вовсе поступил в московский институт.

Бетукке хоть и был женат трижды, но ни от одной из жен не имел ребенка. Потому, почти не скрывая, ластился к Семенчику. А малыш, видимо, по зову крови не отходил от Бетукке. Силиппену это совсем не нравилось. Они даже раза два-три хватали друг друга за грудки.

Вскоре началась война. Семенчик ушел на фронт добровольцем. Был ранен под Москвой, попал в госпиталь. После того как оправился, его отправили в военное училище. Затем — снова на фронт. Его опять ранили, в этот раз тяжело — и он попал в госпиталь.

Отец показывал мне его письмо оттуда:

«Самые дорогие мои, самые родные! Любимая мама Аныска, отцы мои Силиппен и Бетукке! Я тяжело ранен, мне совсем плохо. Это мое последнее письмо вам.

Отец Силиппен! Прошу, помирись с моим отцом Бетукке, он подарил мне жизнь, а ты вырастил, выучил, сделал меня человеком. Я вас обоих люблю безмерно.

Милая мама, не хватает слов сказать, как я люблю тебя. Отец Силиппен, отец Бетукке — лучшие из людей. Потому пригляди за обоими, будьте опорой друг другу!..

Обидно и горько, что мне не привелось оставить вам наследника, но что поделаешь?! Значит, таково предначертание повелителя судеб Джылга Хаана...

Родные мои отцы, родная моя мама, прощайте на веки вечные!

Ваш сын,  
младший лейтенант  
Семен Ксенофонович Иляхов.  
7 декабря 1943 года,  
Казань, Н-ский госпиталь».

Что оставалось делать старикам после такого письма?.. Так и жили...



На третий год войны в самое голодное время, к весне, в один из вечеров, когда ели зайчатину, Силиппен тихо проронил:

– Оставь немного своему старику Бетукке...

Потом запряг лошадку, которую колхоз дал для подмоги в охоте, и отправился домой к Бетукке. Тот сильно занемог и ослаб от голода так, что не мог даже наколоть себе дров, – лежал без сил в промерзшем насквозь жилье. Силиппен перевез его к себе.

С того дня старики стали жить семьей под одной крышей, вести общее хозяйство. Аныска смотрела за порядком в доме, обшивала всех. Бетукке, поправившись, мастерил по хозяйству. Силиппен охотился, добывая пушнину.

Единственный сын Мотуроны Терентий Трофимович Тихонов тоже ушел на фронт, там и пропал без вести. Потому Мотурона была как бы четвертым членом семьи, хотя и жила в другом аласе-елани. Из всей добычи, что удавалось принести в дом, доставалось каждому из них.

Частью их печальной безотрадной жизни стал и мой младший брат Кутууня. Они приняли его совсем как родного внука.

Может, из-за того, что ему была отпущена совсем короткая жизнь, Кутууня отличался удивительно хорошим нравом. Он был трудолюбивый, быстро все схватывал, не было ничего, что бы он не умел. Без лишних слов и указаний мог за несколько дней накопить, заготовить сена, огородить его, чтобы старики перезимовали со своей коровенкой и теленком. А уж каким охотником он стал! Совсем как дедушка Силиппен! Из леса-тайги не возвращался без добычи, с озера-реки – без улова.

Дедушка Бетукке совсем еще маленького Кутууню начал учить секретам ювелирного мастерства. Когда жизнь Кутууни оборвалась так рано, это было сродни грому среди ясного неба. Известие напавало сразило старика Бетукке.

– О, горе мне! За что бог так карает меня?! Наследника, продолжателя рода, сына моего Семенчика убил проклятый Гитлер! И вот как ушел из жизни Кутууня, который был мне как родной внук, которому я передал мои знания,

вложил душу!.. Зачем теперь жить мне на этом свете!!! – так говорил он, испуская раздирающие душу стоны. Затем повернулся к очагу спиной, заснул и... отошел в мир иной во сне.

Аныска похоронила Бетукке и слегла. Перед смертью своей позвала Мотурону:

– Мотурона, не по своей воле я перешла тебе дорогу. Из-за этого все мы четверо так и не познали в жизни счастья. Не держи на меня зла, прошу!..

– Как я могу держать на тебя зло, Аныска! Что мы могли поделать против судьбы, против воли Джылга Хаана?! Видимо, каждому из нас уготована была такая судьба свыше. От тебя, кроме добра, ничего не видела. Потому и не бери близко к сердцу, что ты виновата в моей изломанной жизни... – сказала в ответ Мотурона.

Обращаясь к Силиппену, Аныска сказала:

– Дружочек мой! Господин – муж мой. Грех большой у меня перед тобой – не родила я от нелюбимого. Покидаю мир этот навсегда. Одежду погребальную свою сложила в сундук. Пусть обмоет меня Мотурона. Ее чистые мягкие руки помогут моей душе отлететь в тот мир легко, как пушинке. И после девяти дней моих переезжай к Мотуроне. Не жди сороковин, годовщины! И ваши часы наверняка посчитаны! Хотя бы в последние дни своей жизни будьте вместе!.. Дружочек мой, Силиппен! Прости!..

Потом Аныска едва слышно прошептала, впадая в вечное забытие:

– Иисус Христос! Прошу, прими в царство свое небесное грешную душу рабы Божьей Аны Уйбанэп Лукиной-Иляховой! Прости...

БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКААЫ  
ЯЗЫУСЫЛАР СОЮЗЫ  
ИДАРА  
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ  
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН  
ПРАВЛЕНИЕ



Ягоды созрели 233

Фарзана  
АКБУЛАТОВА

Перевод с башкирского  
Наили Акбулатовой

# Ягоды созрели

рассказ

Гульниса никак не могла нарадоваться возвращению с работы отца. Самерхан даже дома с головой погружается в рабочие дела — кипы бумаг лежат на столе, и он, не поднимая головы, всё время что-то пишет, подсчитывает. Гульниса совсем выросла — в этом году пошла в школу! Но отцу единственная дочурка кажется очень маленькой.

Самерхан несколько раз записывался на фронт добровольцем, однако в ответ ему выдавали бронь от призыва. «Ты, — объясняли, — в первую очередь опытный руководитель, в тебе нуждается тыл!» Так до сорок третьего года он оставался в селе. Затем на фронт призывать стали всех, и ему в скором времени тоже пришла повестка. Самерхану в тот год исполнилось сорок три.

Днём и ночью он пишет отчеты — перед уходом на войну все дела надо успеть привести в порядок. Гульниса счастлива, что папа теперь постоянно дома, хоть и большую часть времени проводит за рабочим столом. Отец её очень любит, и она это знает: он никогда не ругается, даже если Гульниса в чём-то провинилась.

В комнату вошла мама.

— Доченька, не мешай отцу. Дай ему спокойно поработать, — просит она.

— Нет, Ямиля, пусть посидит рядом. Многие её сверстники лишились отцов, а у неё папа есть, — отвечает муж.

Прощаясь с семьей, он пообещал: «Война скоро закончится».

После его ухода на фронт село будто опустело. Ямиля не покидала полевые работы. В доме стало пусто. Гульниса всегда оставалась за старшую и помогала матери.

Радостная весть о том, что немецкие фашисты отступают, пронеслась по деревне. Голод-

ные изнуренные люди черпали силы из таких новостей. Самерхан тоже присылал письма семье. Однажды он написал, что получил тяжёлое ранение и теперь его направили в госпиталь города Н. «Воевать больше не смогу. Скоро должны отправить домой. Гульниса, доченька, к моему возвращению высуши, пожалуйста, ягоды. Я так соскучился по нашей землянике!» — просил он в письме.

А вблизи города Н. тем временем шли ожесточенные кровавые бои. Город несколько раз переходил в руки врага. В тылу об этом было ничего неизвестно.

— Ур-ра! Мой папочка возвращается! — вне себя от радости кричала Гульниса. — Мама, я папе столько ягод соберу! Много-много! О, как он обрадуется! Мамочка, я прямо сейчас и пойду за ягодами. А то вдруг папа уже завтра вернётся? Письма ведь долго идут, а он, наверное, уже выздоровел!

Девочка, поспешно схватив корзинку, побежала к подруге.

— Сария, мой папа возвращается. Для него ягоды нужно успеть собрать! Пойдем со мной!

Была середина летнего сезона — самая рабочая пора. Всё население косило сено для колхоза. Детвору отправляли на прополку свеклы. А собирать ягоды не разрешали — нельзя топтать сенокос. Вот поэтому, не показываясь никому на глаза, девочки без спросу отправились за земляничкой. Главное, не встретить на пути председателя колхоза, иначе добром это не кончится.

Всё поле усыпано красными ягодами. Гульниса сияла от радости: вот оно, папино счастье, прямо перед глазами! Девочки, весело смеясь и разговаривая, принялись собирать ягоды.

— Кто вам разрешил тут находиться? Почему

вы не на полевых работах, маленькие дезертирши, а?! — послышался суровый голос.

Девочки со страху вскочили и застыли на месте, увидев перед собой Халфетдин-агая. Председатель колхоза сидел на коне и строго смотрел на них. Словно языки проглотив, девочки молчали. Председатель слез с коня и начал топтать собранную землянику. Трава впитывала сок измятых красных ягод — кровавых ягод... Словно земля теперь плакала кровавыми слезами.

Грубый Халфетдин, взмахнув плетью, злобно произнес:

— И ноги вашей чтобы здесь не было! Ух, саботажники, сено только помяли! Вредители!

Гульниса вернулась домой с пустой корзинкой. Через некоторое время со скрипом открылась дверь. Вошла мама.

— Ну как, доченька? Много ягод собрали?

Гульниса молча смотрела на мать заплаканными глазами. Девочка ничего не успела ответить, как послышались тяжелые шаги на крыльце. Увидев строгого председателя, Гульниса метнулась в угол и спряталась.

— Ямиля-апай, почему ваша дочь сегодня не вышла на прополку свеклы с остальными ребятами?

Ямиля сначала растерялась при виде строгого председателя, но потом собралась и попыталась ему ответить:

— Ты... не сердитесь, — со страху обратилась она к нему на «ты» вместо «вы», — Самерхан ведь возвращается, письмо от него пришло... Говорит, получил тяжёлое ранение... Попросил Гульнису собрать ягод к его приезду.

Халфетдин не обратил внимания на растерянность Ямили. Важнее была весть о возвращении Самерхана. До войны он учил Халфетдина в школе, потом был его руководителем в колхозе.

Голос Халфетдина стал мягче:

— Сильно ранен, говоришь? Написал, что возвращается?

— Да...

— Ну раз так, пусть девочка день-два поработает со всеми, а потом идёт за ягодами.

На следующий день Гульниса вместе с остальными ребятами трудилась на поле. А через два дня, взяв ту же корзинку, пошла собирать землянику. Дойдя до полянки, она остановилась, огляделась по сторонам: степь покошена, сено собра-

но в кучи и земляники нигде нет. Гульниса отчаялась: где же теперь найти ягодное место, ведь нужно поторопиться. Может быть, отец уже ждёт её дома! В этот день она обошла много полей. Голодная, уставшая, девочка вернулась домой с полной корзиной земляники.

— Мама, я нашла ягоды! — радовалась она. — И даже букетики собрала. Эх, вернулся бы папа до того, как ягоды высохнут!

Шли дни, недели, месяцы. Но Самерхан всё не возвращался в родные края. Война подходила к концу. Город Н. превратился в руины. Госпиталь, где лежали раненые, взорвали фашисты, бросив туда безжалостную бомбу. «Пропал без вести» — такая ужасная весть пришла в семью Казыхановых.

А семья его ждала. Много времени с тех пор прошло.

Гульниса выросла, вышла замуж. Но она каждый год сушила ягоды для отца. Матери об этом не говорила, чтобы не ранить душу воспоминаниями о муже.

Прошло пятьдесят лет. Ямиля, сильно состарившаяся за эти годы, поделилась с дочерью своим сном:

— Приснилось, как мы с твоим отцом вышли на нашу любимую полянку. Она вся была в земляничных цветках. Стоило нам ступить, как на этом месте тут же поспевали ягоды. Твой папа сказал: «Как вовремя я вернулся! Смотри, дорогая, как раз ягоды созрели! Я ведь недолго заставил вас ждать?» И на этих словах я проснулась.

— Мапочка, а ведь именно сейчас ягоды созревают. В этом году их будет много, — сказала Гульниса.

— Вот ведь как хорошо! Вернётся отец — какая будет радость! — воскликнула обрадованная Ямиля. — Все вместе пойдем собирать, да, доченька?

И даже полстолетия — срок небольшой, когда ждёшь близкого человека. Время не существует — это понимает каждый, кто по-настоящему ждёт любимого...

Гульниса молча обняла старушку мать.

---

Агай — «дядя» в переводе с башк.

Апай — «тётя» в переводе с башк.